

18+

ГЕН ТАРАСОВ

ИСТОРИИ РАЙОННОГО СЕКС-ШОПА

Ген Тарасов

Истории районного секс-шопа

«Издательские решения»

Тарасов Г.

Истории районного секс-шопа / Г. Тарасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966848-6

Цикл рассказов о незадачливом продавце секс-шопа в одном небольшом курортном городке. Славик, так зовут моего героя, в такой экзотический бизнес попал случайно, так что он своего рода попаданец. Личность не бог весть какого масштаба, однако определенными моральными принципами обладает, что позволяет ему выжить в создавшихся условиях. Мало-помалу он становится философом со своим оригинальным взглядом на жизнь. Ну, а жизнь не дает ему скучать, направляя в магазин разнообразных посетителей...

ISBN 978-5-44-966848-6

© Тарасов Г.
© Издательские решения

Содержание

Это что-то мне напоминает...	6
А нет ли чего поменьше?	8
Дарите женщинам трусы...	10
Кое-что из практики тантрического секса	14
Котик	17
Дорого?.. Хочу!	20
Папиками не рождаются	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Истории районного секс-шопа Ген Тарасов

© Ген Тарасов, 2019

ISBN 978-5-4496-6848-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это что-то мне напоминает...

Входная дверь звякнула, скрипнула, грюкнула, стукнула, и на пороге, кашляя, сипя и отдуваясь, появилась посетительница. Положив руки на поясницу, она выпрямила спину, огляделась по сторонам и сказала: «Все это мне что-то напоминает».

Славик из-за прилавка посмотрел на вошедшую, задумчиво поскреб трехдневную щетину на подбородке и мысленно оценил: «Да, этой девушке лет триста...» Покачал головой, вздохнул и, поднявшись, приступил к выполнению своих обязанностей продавца секс-шопа, в число которых в том числе входили бесконечное терпение и приветливость со всеми. Но именно сегодня он не был склонен ни к тому, ни к другому.

– Не представляю себе, что тут что может напоминать. По-моему, все предельно ясно. Что есть – то оно и есть.

Голова его временами трещала, временами гудела, с женой вчера нехорошо получилось – да, можно сказать, совсем не получилось, потому что был не сильно, но крепко выпивши, так что сегодня он не был настроен любезничать и миндальничать ни с кем.

– Да как же, – возразила старушка. – Здесь многое мне что-то напоминает. У меня сейчас даже возникло такое чувство, будто я с чем-то таким в свое время даже имела дело.

– Да кто бы сомневался, – буркнул Славик.

– Вот вы мне напрасно не верите, – загорячилась старушка.

– Ну что вы... – попытался возразить Славик.

– Нет-нет, я вижу, что вы переполнены скепсисом.

– Это не скепсис... Скорей сепсис... Просто еще не отошел от вчерашнего.

– От чего вчерашнего?

– Ну, это... как... Не выспался... Не проспался...

– Эх, молодежь, молодежь! – переполнилась восторгом посетительница. – Я в ваши годы тоже не спала до рассвета.

– Вот, – кивнул головой Славик. – Значит, вы понимаете.

– Нет! Не понимаю и никогда не понимала, как можно столь бездарно упускать все эти прекрасные моменты...

– Подумаешь, выпили немного лишнего!

– Выпить немного лишнего можно и в старости. И даже немного больше лишнего – это я вам по секрету говорю.

– Правда? – оживился Славик. Несмотря на тошноту и хотение пива, разговор начинал его забавлять. – Желаете поделиться опытом?

– Глупый, глупый молодой человек. Опыт – что? Переживание. Переживания следует переживать, проживать лично, а не пускать слюни под чужие рассказы. Только такой опыт останется с вами и в старости, и после... И все же, эта штучка определенно мне что-то напоминает.

Старушка подошла к витрине и взяла с нее черный гелевый девятидюймовый вибратор. Оценивающе прикинула на руке массивную игрушку и в задумчивости протянула: – Однако...

– Впечатляет? – крадливо поинтересовался Славик.

– Скорей забавляет. Но...

– Что-то напоминает? – капнул иронии Славик.

– Ну, вот в таком положении, – и она перевернула вибратор лихо задранной головкой книзу, – напоминает ваш нос. А вот в таком... – и она вновь запустила орла в небеса, – в таком положении оно мне что-то напоминает, но я никак не вспомню что. Но, не смотря на это, в таком положении оно мне нравится значительно больше.

– И не мудрено, – подытожил Славик. – Он и создан с таким расчетом, чтобы в этом положении нравиться больше.

Он был немного обижен за свой нос, который на самом деле обвисал книзу небольшой сарделькой. Но старушка была столь беззлобной, так вся светилась добротой и детской радостью перед лицом удивительного чуда жизни, что Славик решил не таить обиды и не заикливаться.

– А он еще вот что может, – начал удивлять он и включил вибратор. Старушка, держа игрушку двумя руками, взвизгнула от восторга. Славик повернул крышечку-регулятор и увеличил вибрацию до максимума. Старушка залилась счастливым смехом.

– Я поняла! – крикнула она. – Я вспомнила. Этой штучкой можно взбивать сливки!

– Можно и сливки, – устало и как-то даже печально согласился Славик. – У нас еще много разных взбивалок есть. – И он быстро показал, каких взбивалок есть: и шарики, и плужки, и различные вибронасадки и виброкольца, и даже помпа с вибратором.

А когда показ завершился, посетительница сказала:

– Хорошо! Я рада, что случайно забрела к вам. Жизнь открыла мне удивительное место, и я обязательно зайду к вам еще. И, быть может, – да нет, наверняка – куплю себе вот эту замечательную черненькую взбивалку...

– Скажите, мадам, – Славик учтиво склонил голову, – не сочтите мой вопрос дерзостью, но, мадам, сколько вам лет?

– Вы, молодой человек, инстинктивный природный хам, – беззлобно сказала старушка. – На природу нельзя обижаться, поэтому я вам отвечу. И отвечу я вам так: меньше, чем вы думаете, но больше, чем мне хотелось бы. Адью...

Когда седое видение растаяло в пространстве, оставив после себя сияние радости и флюиды счастья, Славик почувствовал прилив то ли вдохновения, то ли настроения. Он любовно почесал свой нос, после чего сбегал в соседний ларек за пивом. Жизнь явно посылала ему позитивные сигналы, и ни в коем случае нельзя было их игнорировать. Да он и не собирался их игнорировать, нет, нет!

А нет ли чего поменьше?

Дама вертела в руках вибратор-реалистик, выполненный в натуральную величину с мельчайшими, несколько идеализированными подробностями, вертела, придирчиво разглядывая, оценивая и примериваясь.

– А нет ли чего поменьше? – спросила она, наконец.

Славик, давно уже безучастно за ней наблюдавший, принял позу участника событий и спросил печально:

– А зачем вам это?

– Мне надо меньше! – отрезала посетительница.

– Надо – значит надо, – вздохнув, согласился Славик и подал женщине латексного крабца несколько меньшего размера.

Женщина, мельком взглянув на устройство, не притрагиваясь отмела его прочь категоричным движением загнутого маникюром ногтя.

– Да нет же. Не то! Мне надо меньше!

Славик покачал головой.

– Так вам самый маленький, что ли? Дамский пальчик? Так бы сразу и сказали.

Он сгреб с полки целую пригоршню веселых и веселящих безделушек и высыпал все это богатство на стекло перед глазами слегка ошеломленной покупательницы. Брови на ее лице поползли вверх, явно требуя объяснений.

– Объясняю, – сказал Славик, – хотя, что тут, собственно, объяснять? Все предельно ясно и понятно, как и требуется для прекрасных дам. Вот металлические, вот латексные, пластмассовые, гелевые, в форме помады, в форме кисточки... Но, знаете, я думаю, что вы, женщины, слишком склонны преуменьшать, преувеличивая одновременно.

Его собеседница на полшажка приблизилась к нему из своей отстраненности.

– Что вы такое говорите? – спросила она. – Вы вообще о чем? С кем разговариваете? Я вас не понимаю.

– Да тут и понимать нечего. Женщины любят окружать себя маленькими вещицами, что, наверное, в какой-то мере дает им возможность ощущать себя миниатюрными и легкими на подъем феями. Маленькая-маленькая шляпка, маленькая-маленькая сумочка, маленький-маленький зонтик, пакетик, коробочка... Маленький-маленький вибратор. Но при этом шляпка должна закрыть личико от солнца, зонтик должен защитить ее от бури, сумочка так и вовсе должна вместить вселенную... Ну, а маленький вибратор должен восхитить ее всю! А я скажу вам так: больше – не меньше. Всегда можно попридержать немного, а в случае необходимости – добавить. Что, согласитесь, совершенно невозможно при самом маленьком размере.

– Вы с ума сошли... – выдохнула посетительница. Глаза ее округлились от ужаса, губки сложились в гузку, что в целом будило намек на строгость и целомудрие. И убила все, смела прочь единым движением ногтя: – Уберите! Уберите это немедленно!

А когда пространство было расчищено от всяческого непотребства, она упрямо возобновила запрос:

– Мне надо меньше!

Славик с минуту молча смотрел на нее в упор, а потом изрек по слогам:

– Женщина! Вы вставили меня в тупик. Я требую объяснений!

Дама в легкой досаде передернула плечами.

– Ну, как вам объяснить! Даже не знаю... Женщина меня поняла бы сразу. Но ведь вы не женщина, правда?

Славик сохранял спокойствие и невозмутимость. Он знал, что с таким контингентом могут выручить только эти личностные качества.

Женщина покачала головой.

– О-о-о, как все запущено! – протянула она. – Тяжелый случай. Словом, слушайте, вы, недотепа, элементарного не понимающий... На прошлой неделе моей подруге подарили вибратор. Ну, там, один знакомый... Не важно. Вот такой, – она раскинула руки. – Она мне потом, вы понимаете, после этого, сказала, что ей было немного, чуточку неудобно. А мы с ней как сестры-близняшки. Теперь понимаете? Мне нужен такой же, – она кивнула на установленный вручную размер, – но чуточку, на самую малость поменьше!

И, гордясь собой, довольная тем, что так удачно все объяснила и выкрутилась из неудобного положения, она победно посмотрела на Славика.

Славик был восхищен. И не только ее объяснением. Он был восхищен самой женщиной, как неизменно восхищался клиентками, отважно выбиравшими такой размер.

– Десять дюймов, – на глаз определил он и снял с полки солдата на полдюйма ниже ростом. – Вот, пожалуйста, кажется это то, что вам нужно.

– А ну-ка, дайте... Вот-вот-вот... – осторожно, словно он был из стекла, она приняла бойца двумя руками. Глаза ее потеплели. – То, что нужно. Я же говорю вам – поменьше, а вы мне все какую-то ерунду подсовываете, понять не можете, о чем вас спрашивают.

Уже уходя, расплатившись и спрятав покупку в свою маленькую бездонную сумочку, она неожиданно ласково потрепала Славика по щеке.

– А вы не так безнадежны, как кажетесь на первый взгляд, мой мальчик!

Славик смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью, прикидывая и так, и эдак, как же все-таки столь большое может помещаться в столь малом. «Парадокс», – решил он про себя. Потом усилием воли изгнал прочь фривольные, явно навеянные кем-то мысли. Есть, есть в мире вещи, над которыми лучше вообще не задумываться. Понять их все равно невозможно, а внутренняя сбалансированность чувств запросто может быть нарушена.

Дарите женщинам трусы...

– Меня сдувало с земли ветром одиночества... – так начал свой рассказ мужчина средних лет и среднего роста, показавшийся Славику стариком по причине его, Славика, молодости. Был он широк в плечах, и в своем кожаном пиджаке походил на широкое и удобное кожаное кресло. Он вошел сразу после открытия, подошел к прилавку, положил на него правую руку и без предисловий начал свой рассказ:

– Меня срывало с земли ветром одиночества. Я проснулся внезапно, словно от сильного толчка или пинка, и тотчас ощутил, что кроме меня во вселенной нет ни единого человека. Я едва не закричал от ужаса. Я схватился за одеяло и попытался натянуть его на голову, но ледяной ветер вырвал его из моих рук. Потом он сдул с меня белье, а после содрал и мясо с костей. А потом, когда уже не было ни сил, ни возможности сопротивляться, зашвырнул и меня незнамо куда. И это было реальное падение в бездну, в пустоту, в некую трещину между различными уровнями пространства. Причем, это был не тот провал, который ощущаешь, падая на американских горках, потому что там, за страхом и трепетом душевным, все равно сохраняется знание, что – аттракцион, что – понарошку, что стоит еще немного поужасаться и потерпеть, как начнется обратное движение вверх или случится остановка. Нет, я испытывал совсем другое – то было падение в никуда, в прорву без дна, в бесконечность. И чувство падения, каждая секунда которого тянется минуты и часы, и ожидание удара, боли, катастрофы, и невозможность прервать падение, отвернуть, отменить – все это превратились в бесконечную пытку предчувствия чего-то ужасного, что должно было уже давно наступить, но по какой-то причине все откладывается, но вот-вот наступит все равно. Это ожидание пытки было страшней самой пытки, было самой пыткой, цепляло за живое и выворачивало наизнанку.

Потом все внезапно прекратилось. То есть совсем все – что было, что не было – все сравнялось и перестало существовать. Тут я вдруг ощутил, что кончилось само время. Я ощутил, КАК оно перестало быть. Это очень странное и необычное чувство, его практически невозможно описать, но, испытав раз, запомнишь навсегда. Если переживешь, конечно. С чем можно это сравнить, чтобы вам было понятней? Даже не знаю...

Он глубоко задумался, наморщив лоб, при этом лицо его потемнело, было видно, что мысли его тяжелы и малоприятны.

– Не знаю... Ну вот, быть может, что-то отдаленное... Вообразите, что вы внезапно обнаруживаете в себе некую странность, еще мгновение назад странности не было, и вдруг вы понимаете, что она есть. Вы в одночасье понимаете, что ваше сердце по-прежнему живое – вы ощущаете, что оно живое, в нем есть и тепло, и эхо жизни – но оно не бьется, не вздрагивает, не замирает, оно неподвижно и практически мертво. И вы тоже фактически умерли: кровь не течет в ваших венах, ни одна жилка не бьется, не пульсирует; вы не дышите, а ваши легкие разрываются от жажды глотка воздуха. Но вы ведь не хотите умирать? И я не хотел, но я все это ощущал, переживал, я был почти трупом, я ощущал себя им – почти, но это «почти» – это что-то в моем сознании, что не хотело, не соглашалось, сопротивлялось и потому – страдало... А когда я понял, что страдаю – наступило время страдания. Не было времени, ничего не было, ничего кроме страдания. Было страдание и его время. Огромный океан, целая вселенная страдания, и во всем этом – я, песчинка малая, которую снова, в который уж раз, подхватил жесткий вихрь и увлек за собой во все уголки и закоулки этого мира страданий, для того лишь, чтобы показать мне все их разнообразие, чтобы все-все я испытал на себе. И я испытал... Незабываемо, неизгладимо, неистребимо из памяти... Вы не понимаете, не можете понять и поверить, не можете вообразить и представить... Каждая мысль, малейшее движение, биение мысли обрушивали мое сознание, мое эго в бездну страданий, причем каждая мысль

вызывала в ответ некий поворот, некий нюанс страдания, и было ясно, что тот, кто отвечал за постановку, мастер по страданиям, был неистощим на выдумку.

Воспоминания... Это не совсем мысли, это нечто другое, иная субстанция души или сознания... Они сопровождались страданиями другого рода. Воспоминания всплывали из недр памяти, всплывало такое, о чем я давным-давно и думать забыл, прошлые страхи, потери и стыд, они вспучивались гигантским пенным пузырем и с размаху налетали на такой же пузырь мыслей, все это аннигилировало и адской мукой разносило, что там еще оставалось от меня, на атомы, на нейтрино... А когда все разлеталось в разные стороны, в центре, на месте взрыва, оставалась одна единственная мысль: «А за что мне все это?» – и мысль эта причиняла особенные страдания.

Хочу вам, однако же, заметить, что ни в коем случае не следует отождествлять страдания с болью. Страдания – удел душевный, боль перепахивает физику – совершенно разные вещи. Так вот, боль, настоящая боль началась тогда, когда мне показалось, что я нащупал ответ на главный вопрос – за что же мне все это? Боль пришла с вернувшимися в исходную точку нейтрино и вошла в меня, в мое воссоединившееся тело одновременно со всех сторон. Я умер бы вмиг от ее ярости, если был бы на это способен, и если бы так было запланировано мастером боли. Но он видимо преследовал совсем иные цели. Он посмеивался надо мной. Боль ворвалась в меня внезапно и сразу, и в то же время она продолжала просачиваться в меня медленно, капля за каплей, используя каждую щелочку, каждую складочку, клеточку моего тела, и мне, погребенному в мире страданий, такая дополнительная нагрузка совсем не понравилась.

Боль и страдания уничтожили меня окончательно. Я потерял себя. Воспоминания, мысли, образы, чувства, ощущения – все исчезло без следа и безвозвратно. Не осталось даже воспоминаний о воспоминаниях, о том, что они вообще бывают, что собой представляют и как выглядят. Все превратилось, трансформировалось ни во что. Было все и вдруг-ничто. Ничто, до краев наполненное болью, страданием и прочим подобным дерьмом. За них-то, за боль и страдания, не знаю уж как, я и зацепился и, словно Мюнхгаузен за косу, вытянул себя из трясины ничто обратно.

И тотчас обухом между глаз снова грохнул вопрос: За что мне все это? Все вспыхнуло, из глаз посыпались искры, и ослепительным факелом в возродившемся сознании загорелся ответ. Чтоб ничего не забыть и не потеряться вновь, я быстро вскочил с кровати, оделся и убежал из дому. Там, за стенами, природа сырела и пучилась серым рассветом. В утренних сумерках медузами плавали силуэты людей, но мне все казалось, что не люди это вовсе, а такие же, хоть и облизанные туманом, осколки людей, как и я. Ночь прошла, осталась позади полосой препятствий, огненным рубежом, прихватив с собой мою боль, страдания и весь остальной кошмар... Но остался страх, что все может вернуться, поэтому я бежал и бежал вперед по пустынным улицам пока совсем не рассвело. И тогда я вошел в первую, попавшуюся на глаза открытую дверь... Куда, кстати, я попал, где оказался?

– Это секс-шоп, – сказал Славик. – Милости просим.

Мужчина, раскинув руки, огляделся по сторонам:

– Ба! Надо же, как символично!

– В чем, простите, символ? – любопытствовал Славик.

– Все просто: смерть и рождение всегда рядом. Надо где-то умереть, чтобы где-то родиться, родившись же, все одно снова придется умирать. А где же еще рождаться, как ни в секс-шоппе, а? Секс-шоп – символ рождения, ведь верно? Хотя... я все о своем, и это быть может не слишком понятно.

Возникла пауза, во время которой Славик пыжился сообразить, как ответить достойно необычному посетителю, да и стоит ли отвечать, но так ничего и не успел, ни ответить, ни сообразить. Начавшую уже позвякивать напряжением тишину взломал бой колокола. Человек-кресло отодвинулся от прилавка и достал из заднего кармана брюк телефон.

– Да, дорогая, – заговорил он. – В секс-шопе, где же я еще могу быть с утра пораньше? Не шучу... Ладно, не буду... Конечно, дорогая, помню. Да, не волнуйся... Скоро буду.

Он сунул телефон в карман и снова обратился к Славику:

– Жена, – он сделал неопределенный жест рукой – Спрашивает, не забыл ли я, что сегодня день свадьбы. Нашей свадьбы. Помолчал и добавил с нажимом: – Серебряной. Вы не знаете, почему женщины считают этот день праздником?

Славик пожал плечами. Он считал себя еще молодоженом, и на этот счет собственных мыслей у него не было.

– Вот и я не знаю. Но ощущение такое, что это их ежегодный День Победы, про который никто не вправе забывать. А тем более уж тот, кому эта победа всю жизнь выходит боком... Ну, что посоветуете в подарок по случаю дня бракосочетания?

Славик сделал широкий охватывающий жест:

– Да, что угодно! Белье, вот, красивое...

– Белье? И трусы есть? Стринги? Очень хорошо! Давайте вот эти красные, триумфальные, с бабочкой.

Славик потянулся за указанной вещью.

– Понимаете, – начал он вкрадчиво, достав указанный раритет, – наши трусики – это скорей символ, чем белье. В этих, например, кроме бабочки и трех резинок ничего нет...

– Символ? – неожиданная мысль захватила мужчину врасплох, но он был не из тех, кого можно было вот так, за здорово живешь обезоружить с налёта, и с мыслью он справился. – А ведь верно! Символ! Символ любви, победы, капитуляции – чего угодно! И чем меньше в них материи, тем более весом сам символ. Подарите женщине трусы, и она, по крайней мере, умолкнет на час-полтора, будет соображать, что бы это значило, что за символ?.. Заверните!

Он расплатился и, сунув пакет в карман пиджака, направился к выходу, бормоча себе под нос: «...бабочка... хм... бабочка...»

У самой двери Славик настиг его вопросом:

– Простите, пожалуйста!

– Да? – мужчина, тяжело развернув корпус, оглянулся, на сколько позволило достоинство и тело.

– Ответ. Ответ на вопрос. Что вы узнали?

– За что мне все это? А ни за что, в том-то все и дело! Нас, каждого, в любой момент вот так может взять в оборот за то лишь, что мы живем на белом свете. Каждого. И зачета за это испытание не бывает, то есть каждого может колбасить столько раз, насколько у него хватит сил и терпения. Хотя, быть может, я ошибаюсь. Может быть прав тот, кто утверждает, что наказания без вины не бывает. Тогда виной может служить лишь сама жизнь или способ ее проживания. Живешь – плати, страдай. И встряски нам устраивает мастер встрясок для того, чтобы мы поняли, осознали, наконец, для чего живем. Мы для того и живем, чтобы понять, для чего живем. Но я, кажется, еще не понял этого. Значит, не избежать мне другой веселой ночи. Так что – ждите в гости, не исключено, что наведаюсь к вам еще раз, дорогу теперь знаю.

Славик кисло улыбнулся в ответ. Эта улыбка не сходила с его лица целый день. А вечером дома жена встретила его словами:

– Ты чего это светишься, как надраенная пуговица? Снова налопался?

– Нет еще, – отбился Славик, – но мысль твоя мне нравится. Правильная мыслишка.

За ужином он налил себе стопку под пристальным, скорей неодобрительным, чем доброжелательным взглядом своей благоверной. Хлопнул и сразу почувствовал, как водка провалилась в ощущаемую им в себе внутреннюю пустоту, которая враз заполнилась теплым потоком искрящихся, как ему виделось, угольков.

– Скажи, Лилька, – спросил обреченно Славик, – я сильно перед тобой виноват?

– Конечно! – привычно ответила жена. – Ты мне всю жизнь перепахал. И по гроб жизни теперь мне обязан.

Она, как показалось, странным образом улыбнулась и подмигнула ему.

И тотчас вслед за этим из теплой только что пустоты потянуло холодом и ужасом неотвратимости.

Славик торопливо перекрестился. Левой, с непривычки, рукой.

Кое-что из практики тантрического секса

Пластмассовый кролик без устали долбил свою пластмассовую подружку в догистайле. Большая красная морковь исправно погружалась в широкое гнездо, не требуя смазки или чего-нибудь возбуждающего – только подзавода. И Славик давал им этот подзавод. Желтыми мозолистыми пальцами, едва ощущающими маленькую белую пимпочку, он раз за разом накручивал заводную пружинку. Повинуясь движущей силе пружины, кролик – самец послушно покрывал свою подругу, и их остренькие ушки выражали готовность, и их остренькие мордочки выражали покорность... А, может быть, и ничего не выражали. Даже скорей всего им было все равно.

– С подзаводом – каждый сможет, – уныло думал Славик, имея в виду, прежде всего, себя и свою вчерашнюю невнятную сессию.

Он вздохнул почти надрывно и потянулся к игрушке, чтобы дать очередного пинка ожидающему его кролику, но рука зависла на полпути, поскольку взгляд его наткнулся на встречный взгляд некоего бородатого субъекта.

По спине Славика прополз легкий, знаете ли, озноб. Он реально слегка испугался. Чуть-чуть. Потому что этого бородача не должно, не могло здесь быть. Еще миг назад магазин был пуст – только Славик и кролики. И – что же это? – колокольчик над дверью не звякнул, хотя, по идее, обязан был. И все же субъект был здесь со своей бородой в крошках от бублика, надгрызенный кусок которого торчал из кармана плаща. Он просто возник, материализовался из воздуха таинственным образом.

Славик не поощрял подобные штучки.

Их глаза встретились. Насчет своих Славик боялся ошибиться, а у этого они были голубыми. И через секунду между ними установился ментальный контакт. Тот – по ту сторону прилавка – раскрыл рот, и сквозь редкие, но целые его зубы до Славика донеслось:

– А что у вас, уважаемый, имеется для тантрического секса?

«Йог!» – сообразил Славик, выдохнул с облегчением и сразу успокоился.

– А как это? – спросил он незнакомца с эдакой хитрецей в голосе.

Йог внимательно и долго так посмотрел на Славика, склонив голову набок, и во взгляде его не было осуждения, только понимание и сочувствие. Он смотрел до тех пор, пока Славик невесть от чего не сделалось немного стыдно, хотя, как он прекрасно помнил, ничего стыдного в этот день не делал. Делал вчера, но где то вчера, и что про вчера мог знать этот бородатый дядька?

– Я вижу, уважаемый, что вы не слишком обременены интеллектом, – изрек тот, наконец.

Славик тут же запыхкал, как чайник на плите:

– Это почему?.. Это что за?.. Да при чем здесь это? Я, между прочим, аграрный техникум...

– Впрочем, – спокойно продолжал йог, – для чистых душой, с открытым сердцем людей, таких как вы, мой друг, это совсем не обязательно – даже вредит.

Славик снова странным образом успокоился и перестал пыхкать.

– Оно конечно, – согласился он. – И все же?

– Тантрический секс – это одна из мистических практик тантры, во время которой через сексуальные ощущения достигается духовное озарение.

– Во-во, – радостно заржал Славик. – Всегда ощущал в этом что-то мистическое. Бывало, смотришь порнуху до онемения рук, в результате – ничего не помнишь, но на душе – светло. Мистика!

– Онанизм это, а не мистика. Послушайте, юноша...

- Я не юноша!
- Девушка?
- Нет... Нет!

– Следовательно, юноша. (Славик промолчал) Так вот... коллега... что бы вы могли мне предложить в этом роде?

Славик отчаянно поскреб затылок. Очевидно, что назревший момент требовал от него максимального проявления всех имеющихся в его распоряжении профессиональных способностей. Он постарался сконцентрироваться, даже перестал для этого дышать.

– А в чем проблема, мастер... сэр? – спросил он официально, припомнив слышанную в каком-то фильме формулу обращения.

– Ну, я не стал бы называть это проблемой. Проблема – это когда ничего нет, и даже пришить некуда. А здесь... Я бы охарактеризовал ситуацию иначе: ощущается некоторый энергетический дисбаланс. Да, дисбаланс энергий. Есть я, есть моя... или мой Ян, но отсутствует ответная Инь... Понимаете?

Славик понимал. Понимание проступило на его лице вместе с легкой испариной и легкой же, но глумливой ухмылкой.

– А-а, – радостно протянул он, – я понял: на данный момент у вас нет подруги, что в свою очередь ведет – и привело уже – к застою кровей и энергий. Верно?

– В наше время, в нашем месте найти достойную напарницу для тантрического ритуала нелегко...

– А партнера не пробовали? Нет? – ненавязчиво отыгрался Славик.

Йог яростно сверкнул глазами.

– Коллега! Я черпаю энергию из космического источника. Это чистая сакральная энергия, и другой мне не надо... Напротив, я рад поделиться ей сам, я готов передать избыток сил достойной душе.

– Их есть у нас! – воскликнул Славик. – Прошу вас, коллега, обратите внимание... – он подвел йога к витрине с резиновыми куклами. – Вот, пожалуйста, вполне подходящие души, на любой вкус.

Красотки на коробках были прекрасны и вызывающе развязны.

Йог выглядел несколько ошарашенным.

– Что это? – спросил он, тыкая пальцем в витрину. При этом голос его пресекался.

– Это женщины – в некотором роде. А точнее – идеальные женщины. Никогда не скажут лишнего. Ничего не скажут – ни да, ни нет. Вам нужно лишь угадать свое желание, а, угадав его, вы предугадаете ее ответ.

– А там, внутри, в коробке они такие же?

– Ну что вы! Ведь это идеальные женщины, а идеальная женщина должна быть такой, чтобы в нее невозможно было влюбиться.

– Почему же?

– Любовь – отравка. Любовный яд проникает в нас незаметно, словно влага из воздуха, лишает рассудка, воли и сил...

– Ах, вот вы какой, коллега... Вы – циник.

– Я – старый циник.

– На сколько же старый?

– Лет десять... или тринадцать. Короче говоря – с тех пор, как женился. Но в этом пути у каждого свой опыт. Правда... Но, вернемся к нашим...

– Баранам?

– Козочкам. Словом, вы ее надуваете, и получаете идеальный объект для тантрического секса, готовый принять избыток вашей Ян во все свои три работающие чакры.

– Семь.

– Что – семь?

– Чакр должно быть семь.

– Значит – семь. Здесь три явные... Остальные откроются позже, по мере достижения гармонии, баланса энергий и духовного озарения.

Входной колокольчик над дверью, одновременно являвшийся и выходным, прозвенел по ушедшему йогу, унесшему подмышкой рыжеволосую красотку в страну тантрических радостей. На этот раз он избрал вполне обычный путь перемещения в пространстве. Славик смотрел ему вслед, испытывая душевный подъем, едва ли не озарение. Он оказался на высоте, и там, на высоте, ему было хорошо и приятно. Он подумал, что, возможно, там ему удалось пригубить из космического источника. Он повернул пимпочку подзавода, и кролики завели свой нескончаемый тантрический танец любви. И были они упорны, старательны и сосредоточены в танце. И все ж таки до озарения и просветления им как всегда не хватало какой-то малости – то ли силы пружины, то ли маленькой, малюсенькой души.

Котик

Джип накатил, как лавина, бесшумно и неотвратно, остановился внезапно, окутавшись облаком пыли. Он воткнулся в узкий проход в металлическом парапете как слива, как чернослив, как все они втыкаются. Хлопнула дверца, из джипа выбрался качек. Он обошел машину спереди, протиснулся между ней и парапетом и выбрался на узкую дорожку, брошенную через газон к калитке как мостик. Навстречу ему выкатил инвалид на коляске, но, увидев, что проход закрыт, что-то пробубнил себе под нос, развернулся и заколесил в объезд. Качек, слегка подсев, раскинул руки в стороны, сделав ими такой жест, что, мол, извиняй, братан, занято... Потом боксонул воздух вслед удаляющемуся калеке: хук, хук, хук... Воздух загудел, кулаки были не маленькими. Примерно раза в три больше, чем просто немаленькими. Был он одет в черный спортивный костюм с лампасами, кроссовки и бейсболку – как все они, качки, одеваются, обычная униформа. Славик даже подумал, что это новый национальный костюм украинцев – известных любителей шаровар. Но, подумав немного еще, решил, что, пожалуй, не для одних только украинцев этот костюм родной, и тогда определил его как наднациональный национальный костюм украинского народа. А это уже пахло покушением на суверенитет и самостоятельность, и с этим шутить не следовало.

Качок был не высок и не низок, не толст и не тощ. Просто было видно, что в спортивном костюме сосредоточилась масса, близкая к критической и склонная к постоянному зашкаливанию за критическую отметку от малейшего внешнего воздействия – физического, ментального, звукового, визуального или еще какого, сущность которого и предугадать невозможно. После любого из перечисленных видов воздействия сразу же происходил выброс энергии вовне, качек начинал пениться, плевать и боксировать.

В настоящий момент джентльмен в спортивном костюме был относительно спокоен, но вид его источал угрозу.

«Только бы не к нам! Пусть его мимо, Господи!» – как молитву повторял Славик.

Когда пыль вокруг джипа осела, бесшумно опустилось правое переднее тонированное стекло, и в образовавшийся проем выглянула болонка. Качки любят, чтобы рядом с ними в джипаре сидела крутая болонка, а болонки просто обожают прокатиться на джипаре рядом с каким-нибудь качком. Хотя, если нет, вместо джипа сойдет любая другая тачка, а роль качка может временно сыграть любой другой мужик. Потому что когда сквозь ветровое стекло маячит болонка, кто вообще обращает внимание на то, кто на самом деле управляет транспортным средством? Тут еще важно, чтобы на болонке были темные очки побольше, отсутствие какого-либо выражения осознанности под очками, и, как неременный завершающий штрих – жвачка за пухлой губой или сигарета в тонких пальцах, а лучше – то и другое.

Нашей болонке повезло: у нее был джип, у нее был настоящий качек, на ней сидели очки размером с гермошлем, она, конечно же, курила длинную тонкую сигарету и при этом еще умудрялась что-то жевать.

Болонка высунулась в окно, сплюнула на красную плитку дорожки и низко томно протянула:

– Котик, посмотри там что-нить прикольное...

Она пошевелила пальцами в воздухе, как бы пытаясь обрисовать, чего такого прикольного ей хотелось. При этом она – нечаянно! – зацепила накладным ногтем за дверцу, ноготь отщелкнулся и упал ей под ноги.

– Б..дь, ноготь отвалился! – подтвердила она неисправность. Набрала в грудь воздуха и нырнула за ногтем. Темные очки помешали скоординированности этого движения, вследствие чего она врубилась лбом в бардачок на передней панели джипа.

– Су... а! – сказала она, вернувшись в исходное положение. Закинула очки, как забрало, на темечко, потеряла ушибленный лоб и вновь ушла за ногтем.

На слова подружки Котик слегка оглянулся, на лице его промелькнуло выражение понимания задачи, он буркнул «ладно» и, пнув дверь магазина, вошел в него.

В магазине сделалось сумеречно.

Славик, пригнувшись за прилавком, потер глаза, но яркости изображения это не добавило. Тогда он просто затаил дыхание, и некоторое время наблюдал за посетителем сквозь витрину стойки. В сумерках, как казалось Славику, тот кружил по торговому залу, словно крупная и опасная рыба. Лихие девяностые, конечно, прошли, но Славику вдруг отчетливо почудилось, что нет, не прошли они. Тогда что, интересно, он тут делает? Почему не сидит там, где ему положено было сидеть тогда: за своим столом в холодной аудитории аграрного техникума, в котором он, помнится, учился на зоотехника. Нет, все изменилось, и, к сожалению, новый уровень не слишком перекрывает предыдущий.

Но, однако же, дальше тянуть было нельзя, следовало возвращаться на рабочее место и как-то обозначать себя. Славик вдохнул, медленно выдохнул и, на выдохе, поднялся из-за прилавка.

– Опа! – удивился качек, впрочем, не особенно. – Получается – не самообслуживание?

Славик улыбнулся куда-то в левое плечо.

– Получается, – согласился он. – Вам что-то подсказать? Вы что-то конкретное ищете?

– Да х... его знает, – протянул Котик негромко, и в голосе его прозвучало нечто, некие предпосылки возможного будущего развития событий. Стало ясно, что парень и до прихода в магазин был на пределе, а теперь этот предел и вовсе истончился, почти растаял, и еще немного, еще мгновение и ему будет все равно, кто за все ответит. А ответит, конечно же, тот, кто первый под руку подвернется. А кто тут такой счастливый? Славица передернуло и прошибло.

И напрасно, напрасно он беспокоился. Все вдруг чудесным образом разрешилось само собой.

– А это что? – засек качек прикольное что-то. – Вон то, с хвостом!

Славик отследил взглядом указанное несгибаемым, как кусок арматуры, пальцем качка.

– Ах, это... Это – пони, – и, завершая характеристику, изобразил вживую: – И-го-го!

– Ну-ка ну-ка, покажи поближе... – заинтересовался качок.

Славик достал со стенда прозрачную упаковку со средних размеров плужком, в тыльную нерабочую часть которого была вделана роскошная кисть наподобие конского хвоста. Качек долго вертел игрушку в руках, пока, наконец, не просветлился.

– Ага, понял, – радостно загоготал он. – Вот эту хрендюлину втыкаешь в жопу...

– Ну, это, да... туда... – под выжидательным взглядом Котика подтвердил инструкцию Славик.

– ...и ты – пони! Маленькая лошадка, га-га... А че, прикольно! Что молчишь? Тебя спрашиваю: сам пробовал?

Славик почувствовал себя разудалым дождевым червем, несущимся, что есть мочи, по шоссе, навстречу которому движется каток, и столкновения с сомнительным исходом не избежать, если только...

Входная дверь пропела голосом судьбы, и ситуация качнулась в сторону разрядки. Но поначалу Славик этого не понял, потому что в сумеречном до того магазине стало не прохладней – стало таки холодно, когда, высекая из плит пола искры своими десятидюймовыми шпильками, в нем появилась и устремилась к ним давешняя болонка из джипа, девушка – блондинка.

Все помнят лицо Великого Сфинкса, кое-кто догадывается, некоторые даже ощущают, что скрывает оно некую ужасную тайну. Так вот, лицо этой прекрасной девушки не выра-

жало ничего. Точней говоря, оно было не выразительней татарского дувала – полная обращенность вовнутрь ограды. Что, однако, вовсе не намекало на богатый внутренний мир, оторваться от которого его обительнице было не в состоянии. Поразило же Славику совсем другое. Стройные и длинные до столбообразия ноги девицы взлетали ввысь от шпилек на изящных туфельках сорокового размера и где-то там, на перебивающей дыхание высоте превращались в мощные накаченные бедра, над которыми попка ее казалась величиной с фасолину. Вы как хотите, но Славику нравились несколько иные пропорции женских ножек. Он, кстати, почему-то сразу вспомнил старый американский боевик, в котором милая такая девушка, тоже блондинка с не менее крутыми бедрами и каратистским воспитанием, с легкостью переламывала ими шею оказавшимся между ее ног мужикам.

У Славику непроизвольно заняла шея. Потирая ее, на ватных ногах и на инстинкте, он ретировался за стойку, оказавшись же там, счел свои действия благоразумными.

Подойдя к качку, смотревшему на нее с вялым интересом, девушка скрежетнула каблучками и остановилась.

– Ну, милый, тебя только за сексом посылать, – просыпала она бархатные бусы на басовую струну. – И не заметишь, как кончишь в одиночку. Что это у тебя?

– А вот! – радостно осклабился котик. – Прикинь: пони!

Девушка придирчиво рассмотрела прозрачную упаковку со всех сторон.

– Действительно, прикольная штучка, – согласилась она. – Молодец, радость моя. Только вот... – Она оглянулась и вдруг впервые заметила Славику как некий феномен в пространстве.

Кивнув на то, что держала в руке, она уронила вопрос в пространство: – Цвет только черный?

– Есть еще розовый, – беззвучно, по-рыбьи ответил Славик, но был услышан и понят.

– Вот, – сказала девица качку, – розовый или черный, выбирай.

– Мне розовый нравится... – протянул тот.

– Хорошо. Но только имей в виду: если пони розовый, покрывать тебя буду я.

– Каким таким образом? – засомневался мужчина в реальности варианта.

– Есть способ. – Она кивнула в сторону. – Вон, я уже и strapon приглядела. Тебе понравится, милый.

Парень оторопело уставился на массивную штуковину, прикрепленную к черным кожаным трусам. Мотнул головой, отгоняя видение.

– А если пони – черный? – спросил он.

Блондинка ласково шелкнула его пальчиком по носу:

– В этом случае уж тебе придется постараться, как следует. Ну, выбирай, мне все равно. Только быстрее, дорогой, мочи уже нет ждать тебя!

И она удалилась таким же образом, как и пришла: погромыхивая и рассыпая искры.

Качек некоторое время постоял на месте, то ли приходя в себя, то ли собираясь с мыслями. Потом подошел к прилавку.

– Давай черного, – сказал. – Сколько денег надо?

Услышав ответ, отслонявил купюры и бросил их на пластик прилавка. И строго так перед носом Славику покачал арматуриной пальца:

– За сдачей потом приду, понял?

Когда он ушел, Славик пересчитал деньги. Денег было мало.

– Все! – закричал Славик тихо. – Перерыв! До завтра!

Дорого?.. Хочу!

Она была стройна до нереальности, она была так воздушна, что фигура ее зыбилась и расплывалась в пространстве магазина, исчезала и появлялась вновь, то частями, то вся целиком. Но что бы ни происходило с ее телом, пальчики ее никуда не пропадали. Устремленные вверх, как крылышки ангела, они подрагивали и трепетали, от мимолетного сквозняка или потерявшего стыд восторга, периодически оскальзывающегося за грань смущения. Легкий румянец возмущенной невинности прятался за густой посыпкой веснушек на лице, которые в свою очередь смывались потоками веселой голубизны, изливающейся из ее огромных густо опущенных глаз, когда она поднимала голову и мельком взглядывала в его сторону. Зачесанные назад выгоревшие на кончиках русые волосы были роскошней нимба. Ну – ангел! Ангел.

Он ходил вдоль витрин, заложив руки за спину и выставив вперед животик. Кудрявые волосы его были вздыблены вверх, в углу рта висела прилипшая к губе потухшая сигарета, от которой во все стороны расплзался густой смолистый бычковый запах. Он периодически посасывал сигарету и перекидывал ее в другой угол рта. Небритое лицо его выражало явное и безоговорочное одобрение увиденного. Он часто останавливался там или сям и, перекатываясь с пяток на носки и обратно, проговаривал:

– Хорошо... Ум-х-хм... Хорошо... О!.. Хорошо...

Славик со своего места за высоким прилавком наблюдал, как эти двое кружили по торговому залу, и думал, что трудно было бы подобрать два больших человеческих различия, два других столь же явных несовпадения, и что не найти во вселенной места, где эти две противоположности слились бы в объединяющем экстазе. Как-то так.

Противоположности кружили по залу где-то около получаса, и как-то так само собой получилось, что некая, то ли приливная, то ли центростремительная сила почти одновременно поднесла их к центру приложения всех сил в этом пространстве, коим естественно был Славик за своим прилавком.

– Скажите, а что это, во-он там, в розовой коробочке? – первой нарушила молчание девушка. Пальчики ее протрепетали в том направлении, в котором притаилась розовая коробочка, а голос, оказалось, так соответствовал внешности и был столь чарующим, что за него, за возможность слышать его Славик готов был отдать владычице его все и бесплатно. Но он был на работе, и был не в праве, и душа его сладко заняла, ощутив опасный надрыв и кризис невозможности возможного и желанного.

Он скользнул взглядом по светящейся дорожке, вспыхнувшей в воздухе между трепетом пальчиков и розовостью объема на витрине.

Он сказал, прошелестел сделавшимися пергаментными губами:

– Это – бабочка!

– Бабочка? А для чего она!

– Ну...

– Поняла, поняла! – быстро пресекла объяснение девушка. – Хочу! А сколько стоит?

Славик назвал цену.

– Дорого! – немного разочаровалась она.

– Прикольная штучка! – ввязался в разговор молодой человек. – Я бы взял.

– Вам-то зачем? – поинтересовалась девушка как бы неожиданно для себя самой. Она казалась безучастной, но в голосе ее проявился некий нюанс, позволявший в том усомниться.

– Ну, как: тут балдеешь, а здесь руки свободны, можно курить.

– Как же ВЫ от ЭТОГО балдеть будете?

– Ну да, ну да. Я это в принципе сказал, как возможность. Вероятность. Что, мол, руки свободны. Я курить люблю!

– Тогда вам надо в табачную лавку.

– Так я только оттуда.

– Вот как! И зачем же?

– Так я не только курить люблю.

– По-моему, анекдот был такой, – напомнил Славик. – Про парня, который курить любил, и не только курить.

– Анекдот – фигня! – отрезал парень. – В жизни все круче. Жизнь есть жизнь.

– Да, – согласился Славик. – Жизнь это...

Окончание фразы повисло в воздухе, да и не требовалось продолжения, подразумевалось, что присутствующим оно известно.

Кружение противоположностей возобновилось. Космические волны, волны эфирные, воздушные плавно набегали друг на друга и, смешиваясь, готовили коктейль под названием «Жизнь», который подавался всем за счет заведения, и который был круче любого анекдота о жизни. Время от времени девушка расцветала букетом вопросов:– А это что? Хочу! Сколько стоит? Дорого...

– Прикольная штука! – вторил ей эхом противоположный. – Я бы взял.

И не было совершенно никакой уверенности в том, слышала ли девушка свое эхо или его отголоски. Поначалу так и было. Потом, в какой-то момент, Славику показалось, что на миг, на половинку-четвертинку взмаха ресниц замерло, приостановилось ее вечное бесконечное движение. Чуть насторожилось ее ушко – как бы насторожилось. Дальше совершенно естественным жестом руки она отвела от ушка мешающий ей слышать золотой завиток, наклонила головку, хороня росинку улыбки на лепестках губ... А потом она бросила на него взгляд. Этот мимолетный, незаметный, словно единичный кадр, словно подводный выстрел взгляд просто обвалил, обрушил Славику в бездну тоски и разочарования. Он понял, что только что, миг назад была пройдена точка невозврата, что идти этим двоим дальше и не возвращаться сюда никогда, а ему... ему пока оставаться на месте и готовиться к неизбежности вечерней встречи с женой. Впрочем, так оно и лучше. К черту. К черту!

А дальше... А дальше было вот что...

Ангел материализовался возле одной из витрин и, начертав пальчиком в воздухе знак вопроса, спросил:

– А вот это, шоколадненькое, что?

«Шоколадненькой» оказалась игрушка из кибер-кожи для сильного пола.

– У-у-у! – разочарованно надула губки девушка.

– А вам и не надо, – хохотнул парень. – У вас свое имеется, надо думать, не хуже... Я бы взял...

Противоположности стремительно притягивались, скорость сближения была столь ошеломительной, что у Славика – Славика! – закружилась голова.

Ангел поднял глаза и распахнул их бездну. Не ангел перегнулся через ее край и заглянул в самую глубину. А потом, оттолкнулся от земли и, легко и непринужденно, устремился вниз... а, может быть, – вверх? Он решил выяснить это самостоятельно и немедленно. При этом он увлек за собой и ангела. Или это ангел увлек его... Не важно – они кубарем летели в бездну вместе. Они смеялись и пели при этом.

– Ловлю вас на слове, – сказала девушка. – Теперь вы должны, просто обязаны взять.

– А сколько стоит? – спросил юноша.

– Дорого! – не отвела взгляда она. – Очень дорого. Быть может, для вас – слишком дорого.

– В таком случае, не могу не взять.

Он подхватил ее под руку, и, не проронив больше ни слова, они унеслись из магазина. По направлению, надо думать, к приглянувшейся им бездне.

Колокольчик над дверью пел почему-то удивительно долго. В конце концов, Славик сообразил, что не колокольчик то вовсе, а – ангелы, и что поют они, похоже, непосредственно в его голове. Песню пели они какую-то странную, была она столь волнующа и пронзительна, что сделалось ему вконец невольно. Он затряс головой, освобождаясь от постороннего на нее воздействия. И вытер лоб от обильно проступившего на нем пота. Он испытывал эмоциональный подъем, душевный шок и физическое изнеможение, все сразу, ему было и хорошо и плохо одновременно, словно это он самолично только что нырял в бездну и был извергнут оттуда против своей воли насильственным образом. Он был потрясен и поколеблен. Его ценности, принципы и устои подверглись испытанию, и он вовсе не был уверен, что они устояли. Сказать по правде, ему даже захотелось забросить их, ценности, куда подальше. Тем более – принципы. Пусть, пусть предстанет перед ним ангел с платиновыми волосами и проворкует, наклонившись доверительно: «Хочешь? Задорого?» И он скажет осипшим от жажды и решимости голосом: «Хочу! Беру! За любую цену!» И последует за ангелом, в бездну неба или в иную бездну, потому что не нырнув, не изведаяешь ее, не испытаешь, не испытав – не постигнешь, куда ведет сей изгиб судьбы – вверх или вниз.

Славик снова достал из кармана мокрый уже от пота китайский носовой платок, вытер им увлажнившиеся глаза, высморкался, сделал задержку дыхания, резко выдохнул и нормальным уже человеком принялся подбивать кассу. Жизнь продолжалась, как и прежде, но ощущение от пронесшейся мимо него на огромной скорости какой-то ее части было неожиданно новым и пьянящим. Но более всего возбуждала мысль, что все еще в его воле – наблюдать за ней как бы со стороны, или же, оседлав, унести с ней вместе туда, где все, несомненно, иначе и лучше. Да, он был хозяином своей судьбы.

Оторвавшись от кассы, Славик оглядел пустой магазин и улыбнулся широкой хозяйской улыбкой.

Папиками не рождаются

Чаще всего девушки и женщины – если кто-то различает между этими существами хоть какую-то не условную разницу – заходили в магазин и, замечая за прилавком Славика, сразу делали вид, что совершенно случайно ошиблись дверью, попали не туда (а куда – туда?) и вообще не вполне понимают, что происходит.

При этом в разговор они не вступали, бегло осматривали экспозицию, фиксируясь взглядом на самых волнующих ее местах, и бегло же покидали помещение. Или же на вопросы: «Чем вам помочь? Что показать?», – отвечивали: «Спасибо, сама все увижу!» И у всех без исключения во взглядах читалось: помочь не сможешь, а что мне надо – не твоего ума дело.

– А чьего же ума это дело, – встречным вопрошающим хуком мысленно отвечал Славик каждой такой умнице, – если на нас двоих один лишь ум, да и тот, естественно, мой?

Ну, пожалуй, тут он несколько преувеличивал свой умственный потенциал, хоть и был выпускником зоотехнического факультета аграрного техникума, но, в общем, не слишком далеко блуждал от истины. Нет, Славик не был гендерным террористом или женоненавистником. Нет, отнюдь, женщин он любил. А так же любил он девушек – если, опять же, кто-то улавливает тут существенную разницу. На этой почве у него с женой даже периодически возникала напряженка. Но больше всего он любил и ценил равноправные отношения, и когда в магазине появлялась женщина или девушка... ну, в общем, кто-то из них, все равно, тем более что разницы-то практически и нет, с которой можно было поговорить, он с радостью это делал. Он с удовольствием делился своими знаниями, познаниями, навыками и опытом, обстоятельно и подробно отвечал на вопросы и бывал просто счастлив, когда девушки или женщины, ну, вы знаете кто, его понимали. И ни разу он не допустил, чтобы служебные отношения переросли во внеслужебные, тут его жена как раз была не права, зря она предавалась фантазиям даже более буйным, чем у самого Славика.

Магазин – это тот же вагон поезда – поезда под названием *жизнь*. Люди встречаются в нем зачастую совершенно случайно. Они общаются или нет, если общаются – это значит, что им повезло, потому что, как ни крути, общение – Дар Божий. Общение в магазине, как и в поезде, ни к чему не обязывает общающихся, в том числе девушек, считающих себя женщинами и женщин, ощущающих себя девушками. Адекватно воспринимающие себя человеческие особи вне зависимости от половой принадлежности с легкостью выкладывают благодарному слушателю – а Славик вне всяких сомнений был именно таким слушателем, – такое, о чем ни за что не рассказали бы своим близким, особенно тем, ближе кого не бывает. А Славику – выкладывали все. Потому что Славик был благодарным слушателем в том понимании, которое не требует расшифровки. Потому что внимание жило и светилось в его грустных зелененьких глазах, а понимание принимало форму его поникшего вислого носа. И, конечно же, потому, что Славику было все равно, в том смысле, что никогда и ни при каких обстоятельствах он не извлечет никакой личной выгоды из услышанного, но всегда готов помочь в рамках своей специализации. Изредка – зоотехнической.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.